

КОКТЕБЕЛЬ

Слово Коктебель было у меня на слуху гораздо раньше, чем сам я оказался в этом месте. Не знаю, как это произошло, но думаю, мама не раз говорила с Натальей Михайловной о Волошине и его окружении, кажется, весьма скептически оценивая тамошний их образ жизни. Очень много воспоминаний о Коктебеле хранил, конечно, отец, некоторое время обитавший там в начале гражданской войны. Но вряд ли он слишком распространялся на эту тему хотя бы с той же мамой, ибо период этот вообще был в его жизни довольно смутным – особенно для последующего автора "Социологии творчества Пушкина". Даже много позднее, когда разговор у него с Софией Рафаиловной (его первой женой) заходил об их общих коктебельских воспоминаниях, многое мне, уже взрослому человеку, оставалось неясным, хотя фигурировали там весьма конкретные факты. Например, как спасала вышепомянутая Софья Рафаиловна Осипа Мандельштама, оделяя его продуктами и вещами первой необходимости, которыми он, якобы, затем ни много, ни мало как спекулировал (!). Или как переданный какому-то братишке-матросу для расстрела "буржуй" Д.Д.Благой был великодушно отпущен этим "братишкой" и как с этого момента выражаясь схематично – буржуазная психология в нем уступила место прямо ей противоположной.

Представляю, с какой пеной у рта должны наброситься на написанную выше строку о Мандельштаме, поклонники его гения. А между тем, во-первых, слово гений я не взял в кавычки только затем, чтобы, как говорится, не дразнить гусей; главное же, время было таким, что и самого, что ни на есть гения Мандельштама могло подвигнуть на многое. Иное дело – трактовка выбора слова.

И вот это-то и обнаруживает всю неприязнь четы Благих к большому, очень талантливому и, конечно, необычайно очень трагической судьбы поэту. К сожалению, именно последнее обстоятельство и определяет в последнее время необычайную моду из Мандельштама, и голо-вокружительную цену его книг на "черном рынке" - о, как можете испошлил вы, люди, даже величайшие страдания человека, как умеете спекулировать ими во всевозможных целях - от коммерческих до политических!

Не раз "прорывало" меня в конце какой-либо главки, не раз захлестывали волны обобщений, не раз перекидывался мост в сегодняшний день. Но начинать с этого главу! Какой же нужен кру-той поворот штурвала "машины времени", чтобы из года 1986 сно-ва перенестись в год 1938, а главное, взглянуть на этот давно ми-нувший год с точки зрения многих и многих, трагически прости-шихся тогда с жизнью (в том числе и Осипа Мандельштама), а лишь вступающего в нее мальчугана, "как первую любовь" пронесшего во-шебство коктебельских мест через всю жизнь свою.

От нашего с мамой путешествия ждал я трех чудес: моря, ко-торое я не мог себе представить иначе, как окружавшим меня со всех сторон водным пространством с полным отсутствием видимых бе-регов; уходящих в небо гор, вид которых так пленял меня враз-ных детских книжках, гор, непременным украшением которых были свер-кающие снежные вершины; наконец - знаменитых коктебельских камней, которыми в моем воображении, подобно сказочным самоцветам, сплошь был покрыт огромный пляж. В подобных ожиданиях поездка по же-лезной дороге до Феодосии (название, которое очень смирило меня своим сходством с именем приходящей к Чегодаевым прачки Федосьи)

показалась совсем незаметно^{оу}. Кроме того, никогда еще не совершал часами я такого далекого путешествия и ~~наши~~ стоял, прилипший к окну, все ожидая, что вот-вот рядом с поездом окажутся и горы и даже море... Гор не было, моря тоже. Но зато повсюду белели никогда не виданные мною раньше мазанки с неизменными ярко-желтыми подсолнухами, тянулись вверх пирамидалные тополя. Вид этот так меня поразил, что уже по приезде я попытался его нарисовать в альбоме. Наконец, мама позвала меня смотреть море, но, глядя на узкие лодочки, качающиеся на причалах чуть плещущегося, тинистого у берегов Азовского моря, а затем на бесконечный и совсем уже непрезентабельный Сиваш, я просто ей не поверил и так и заснул. И все-таки далее последовала целая цепь разочарований (говорю, разумеется, не о "прелестях" Сиваша). Надо было спуститься на землю, чтобы понять и страстно полюбить эту землю, расстаться со многими химерами, чтобы почувствовать подлинный ~~шарм~~ колорит окружающего, столь не похожий на все виденные мною дотоле в средней полосе России.

В Феодосии, куда приехали мы необычайно рано утром, нужно было оформить путевку и договориться о доставке нас до места назначения. Мама ушла в маленький домик конторы. Я же с любопытством оглядывал тот пока еще совсем маленький мирок, что на несколько минут оказался в моем распоряжении. Вдоль аллеи росли маленькие кипарисы, которые, конечно, надо было потрогать рукой, дабы убедиться в том, из чего они сделаны. Дорожка под ногами была покрыта гладко-обточенными, почти одинаковой величины ~~гладко обточенными~~^{и формы} камешками. Разумеется, эти белые кругляшки вовсе не походили на сокровища, о которых я мечтал. Но непохожи были они и на обычные, до сих пор виденные мною камни. Поэтому их тоже надо было

подержать в руке и по возможности набить ими карманы. В самом воздухе, самой прохладе утренней было что-то особенное - как я теперь понимаю, определяемое прежде всего близостью южного моря.

А затем последовало необыкновенное для меня путешествие из Феодосии в Коктебель на еще очень распространенном в тех местах виде транспорта - линейке (каким забавным казалось мне само это название!). Конечно, это утро не могло продолжаться вечно: ведь уже светало, когда сошли мы с поезда в Феодосии; на солнце, южное солнце встретили мы лишь оказавшись в степи живительной прохладой и неповторимыми настоящими трав. Солнце, поднимавшееся из-за окрестных холмов и еще не утратившее пурпурного оттенка восхода, тоже оказалось запечатленным по памяти в моем рисованьем альбоме.

Утром же, ~~когда~~ еще до завтрака (какой там завтрак!) состоялась моя первая встреча с морем. Вот это было разочарование! Как же не видно берегов, когда в утреннем воздухе так ясно очерчивались все горы и холмы, окружавшие Коктебельную бухту... Позднее, когда я навещал Коктебель, она всегда казалась мне ожерельем из дымчатых сердоликов разной величины и всевозможных, ни с чем не сравнимых по нежности оттенков. Немало повидал я с тех пор красивейших мест (скажем, побережье Адриатики), но и теперь перламутровые переливы, непрерывная изменчивость красок и моря, и окружающих берегов кажется мне в Коктебеле чем-то совершенно уникальным.

Не знаю, как продолжить мне описание своих коктебельских впечатлений. Хронологически? Но за редким исключением хронология такая совершенно не запечатлелась в памяти. Пусть будет так, как

всплывают эти впечатления в воображении, группируясь вокруг какой-то темы или эпизода; зато сами эти темы и эпизоды чередуются со свободой наугад составленной мозаики.

Коктебельская жизнь наша быстро входила в колею. После завтрака, конечно, отправлялись на море; впрочем, и отправляться никуда не приходилось — все было тут же под рукой. Чуть ли не на второй или третий день я научился плавать, сперва, правда, "пособачьи". Море было теплое и блаженство неописуемое. Заодно непроч я был и попугать маму своими заплывами (на самом деле более чем скромными). Потом ложился животом на раскаленный пляж и начинал перебирать прибрежные камешки в надежде найти какой-нибудь сверхъестественный раритет. Но раритетов не попадалось, хотя были тут и очень красивые камни. С замкнутостью коктебельской бухты я скоро примирился: красота ее, живая, никогда не повторяющаяся игра красок не оставляла места никаким сожалениям. Блаженно успокаивал непрерывный плеск воды — в нем улавливал я какую-то только мне одному слышимую музыку. Но не только зрением и слухом впитывал я окружающее, но и обонянием. Солью и водорослями (полоса их начиналась недалеко от берега) пахло море; солнцем, словно расщепляющим песок и камни на какие-то ароматические вещества, пахли берег и пляж. Даже по вечерам процесс укладки собранных за день камней навсегда ассоциируется у меня с запахом... — табака, который вовсе не был противен, а лишь щекотал ноздри чем-то терпким и ~~сладковатым~~, сладковатым. Дело в том, что основной тарой для камней я избрал папиросные коробки.

→ Навсегда связалось у меня коллекционирование коктебельских камней с запахом табака особенно в папиросах "Казбек". Зная о моей нужде в такого рода вместилищах, многие члены Литфонда буквально

заваливали меня папиросными коробками, как только ими выкуривалась последняя папироса, причем долго в углах папиросных коробок оставались крошки табака, выковырять которые было оттуда почти невозможно. Чаще всего это были коробки от "Казбека" - видимо, излюбленного писателями конца 30-х годов сорта папирос.

Забавными были названия разных типов камней: "фернаипиксы" - прозрачные халцедоны, разрисованные причудливыми узорами белой, желтой, голубоватой эмали, разрисованные с такой тонкостью, на которую ~~была~~ ^{седва ли} способна рука самого умелого мастера; те же халцедоны, но совершенно чистые и прозрачные, - "слезки"; "лягушки" - камни, ~~казавшиеся~~ бы довольно плебейскими, если бы не удивительные по разнообразию величины и расцветки глазки, часто очень красивые, многослойные; "полинезийцы" - необычайно "вкусного" шоколадного цвета или цветов, самой причудливой формы, позволяющие увидеть различные фигурки и даже целые словно нарисованные ~~сенией~~ сценки; наконец, те, что пренебрежительно назывались "собачками", а между тем наиболее разнообразные по форме и окраске (часто сочетающей многие цвета), чья поверхность была такой гладкой, шелковистой, что, трогая их, казалось, будто касаешься столько веков ласкавших их морских волн. Конечно, особенно ценились сердолики и агаты, иногда такой правильной формы, что из них можно было без всякой дополнительной обработки сделать роскошные брошки или серьги. Но за ними, как за грибами, истинные, страстные камнелюбцы ходили далеко. Зато и коллекциями могли они похвастаться! Кстати, перед показом своих сокровищ (на что владельцы их почему-то шли не слишком охотно) они специально готовили их к обозрению, а именно: "ноздрили", т.е. терли о крылья носа, что сообщало каждому камню необычайно нарядный блеск.

Жаль, но я почти не помню отдыхавших с нами вместе "кокте-

"бельцев". Из людей, близких маме по профессии, т.е. литераторов-дов, был там ~~и~~ Н.Л.Бродский. С ним мы нередко гуляли, но прогулки эти вспоминаю я как нечто чрезвычайно скучное: ученые немедленно начинали вести скучные и совершенно непонятные разговоры. Ни-как я не мог взять в толк: что заставляет их, больше того - как они могут позволить себе здесь, ^{всем} в ином мире, вспоминать о мире обыденных, бесконечно далеко оставшихся вещей и пусть трижды научных и все же обыденных тем и понятий.

Да, мир этот был волшебен. Сколько раз пытался я изобразить его в своем альбоме, но все безуспешно. Правда, подобное же фиаско терпел, с моей точки зрения, не только я. Помню экскурсию в дом Волошина, когда вдова поэта много говорила о нем собравшейся группе писателей. Слова ее также мне не запомнились - ясным было только, что она необыкновенно предана его памяти. Но зато все внимание было приковано ко множеству висевших на стенах акварельных рисунков. И вот это-то рисунки мне тогдашнему казались безнадежно слабыми, да даже какими-то уродливыми попытками изобразить то, что в такое восхищение приводило в натуре. Кстати, снова встретился я с ними много лет спустя в музее Айвазовского. Встретился - и был безумно обижен за их судьбу. В самом деле, после огромных залов с "шедеврами" (за версту отдающими коммерцией) прославленного мариниста ^{комнаты}, помнится, где размещены были прекрасные, хотя и куда более скромные по размерам работы Волошина, казалась просто убогой, и висели его акварели там почти без отступов - одна к одной, наподобие аквариумов или клеток с птицами в зоомагазине (пример такого беспардонного обращения с искусством, помнится, долго приводил я в своем фортепианном классе, доказывая необходимость "промежутков" - пауз в исполнении).

Столовая, где по всем правилам писателей кормили четыре раза в день, стояла в стороне, "на отшибе", так что к ней надо было идти несколько сот метров по берегу моря, по дороге, ведущей к Кара-Дагу. Окружена она всегда была множеством бродячих собак, среди которых особенным любимцем был красавец по кличке Кандибобер, отличавшийся очень пышной шерстью, красивой, в основном рыжей окраской, и необыкновенно умными добрыми глазами и каким-то особым врожденным собачьим благородством. Понятно, что именно ему доставалась львиная ~~для~~ съестного, хотя некоторые отдыхавшие специально выбирали какую-нибудь плюгавую ~~шарку~~, дабы как-то уравновесить допущенную природой несправедливость. Хорошо жилось собачьей компании в летние месяцы, когда она делила питательный рацион с цветом советских литераторов. "А как же они зимой? - наивно спросила мама у какого-то местного старожила. "Да всех приходится пристреливать, ведь уже поздней осенью они совсем дичают, бегают, воют..." Мама, уже жалевшая, что завела этот разговор с тревогой посмотрела на меня; и было с чего: глаза у меня расширились от ужаса, и ей с трудом удалось убедить меня, что все это говорилось нашим собеседником не всерьез. Поверил я легко, потому что мне и самому показалось, что незнакомец просто так решил нас попугать: ну можно ли было представить себе, чтобы застрелили Кандибобера, чтобы у кого-нибудь поднялась на него рука? Но рука поднялась. Год спустя, получив ответное письмо от кого-то из знакомых, отдыхавших в тот сезон в Коктебеле, мама не скрыла от меня, что спрашивала в своем письме и о Кандибобере, и написали ей, что его пристрелили, даже не дождавшись поздней осени, прельстившись, видимо, прекрасной собачьей шкурой. Грустно мне было, но ... "с глаз долой - из сердца вон", о Канди-

бобере я к тому времени почти забыл, а значит, скоро забыл и о полученном известии.

А много лет спустя сам стал убийцей, - договорился о том, чтобы пристрелили много лет жившую у нас собаку Жучку. Попала она к нам совсем маленьким щенком, вырастала вместе с моими старшими дочерьми и вовсе не была виновата в том, что решительно все ленились ее "выгуливать", от чего нажила она (будучи собакой безукоризненно воспитанной) какую-то болезнь - что-то вроде водянки, которая сводит сейчас в могилу и ее хозяина: с трудом, задыхаясь, волочила она по полу раздувшееся брюхо, а потом уже только ползать могла. И как же любили мы все ее, пока была она здоровой, веселой, звонкой, смышеной, сколько комплиментов получала от окружающих, благодаря красоте своей черной с белыми подпалинами шубки. И вот был отдан приказ о казни, а сам палач на правах неврастеника поспешил чуть не бегом в противоположную сторону и готов^б был зажать уши, чтобы и выстрелов не услышать (говорили, их было два). Главной заботой было половчее обмануть несовершеннолетних дочерей. Не помню, какая была выдвинута версия, но вроде бы обман удался. А потом и дети забыли Жучку, и сами догадались. А догадавшись, тоже приняли известие с великолепным stoическим спокойствием.

Горные восхождения... Конечно, никогда не тянуло, да и не могло меня к ним тянуть, пока не узнал я, что такое магия горы, не увидел во~~жчию~~ их совсем особый, таинственный, теряющийся в лиловой дымке поднебесья мир. И вот тут-то ^(страстное желание) непременно отправиться в горы неотразимо завладело мною. Помнится, я даже разработал следующий план: попробовать силы на совсем небольшом скалистом

пригорке, что расположен был совсем недалеко от берега моря и шутливо был кем-то прозван "Фигодаг"; затем же обязательно уговорить маму побывать на ~~всех~~^{все} трех виднеющихся справа от бухты и уже настоящих, так величественно возвышающихся горах: Кара-Даге, Святой (или "Лысой") и самой далекой—"Сююк-кала". Но план этот потерпел крах при самом начале исполнения: "Фигодаг", хотя и отвечал по размерам насмешливому данному ему прозвищу, но был недоступен не только мне, но и небезопасен для куда более опытных в таких делах людей (что, возможно, также было учтено в его грубоватом прозвище). Не могло быть и речи о том, чтобы начать взбираться на его пусть совсем невысокие, но с ~~всех~~^{всех} сторон скалистые кручи, и мама не без оттенка насмешливости торжествовала, ибо и до того беспощадно охлаждала своей опытностью (она довольно много путешествовала в юности по Кавказу) мой мальчишеский пыл.

И все-таки на Кара-Даге я побывал. Вернее, конечно, мы побывали. Среди отдыхающих нашлось немало охотников, а также тех, кто хорошо знал туда дорогу, — точнее, даже две дороги: одну, очень плавно восходящую витками на самую вершину, и другую, ведущую туда же, но уже гораздо более короткую и, соответственно, крутую. Долго я умолял маму присоединиться к этим счастливцам, разумеется, при непременном моем участии. Многое было против: во-первых, довольно приличное расстояние, если подниматься плавно (об "авантюре" с крутым подъемом мама не хотела и слышать); во —вторых, надо было проснуться и встать задолго до восхода солнца, чтобы созерцать его уже с вершины Кара-Дага (кстати, этим обеспечивалось и своевременное появление к завтраку, и избегание ходьбы по жаре); из всего этого следовала необходимость очень быстрой ходьбы, на-

которую неизвестно еще был ли я способен. Все же невозможно было маме не уступить моим мольбам, и после целого ряда оговорок, предупреждений, напутствий согласие мамы было получено.

Мне назалось, что была еще глубокая ночь, когда мы отправились в путь. Да, собственно, так оно и было: в полной темноте шумело где-то у самых ног море, на небе светился звездный узор, очертания же гор впереди даже не показывались. Но уже через полчаса картина начала быстро меняться: море отделилось от неба, и постепенно все серело, светлело, да и само небо становилось все более прозрачным. А вот и знакомый профиль Волошина проступил: черный, словно из эбенового дерева, он казался совсем близким. Но долго еще, глядя на хмурое, мутно-серое небо, на металлически холодные складки набегающих на берег морских волн (даже плеск их казался мертвяще-холодным), трудно было поверить, что все это скоро должны осветить яркие солнечные лучи, что впереди — очередной, до изну-рения жаркий коктебельский день.

Очень мало было похоже наше восхождение на то, каким я его себе представлял. Шли мы по дороге, по которой, судя по ее ширине, часто поднимались и волы с арбами, подъем был почти не замечен, тем более, что никаких видов вокруг не открывалось — дорога долго шла лесом, — по-южному низкорослыми и корявыми. К восходу солнца на вершину Кара-Дага мы, попасть не успели, предоставив любоваться этим зреющим наиболее сильной части компании, отколавшейся у самого подножия, горы и избравшей короткий, крутой путь к ее вершине. Но чудо свершилось: все ночное, хмурое, беспросветно-сероеказалось сейчас лишь наваждением, солнце сияло, слепила глаза морская рябь; только ~~гудящий~~^{сильный,} как струна и, видимо, никогда не утихающий здесь ветер напоминал еще о ночной прохладе. Высота Кара-Дага невелика. Но когда смотришь на море и прибрежные ска-

Ли с края почти четырехсантметровой отвесной стены, от нее мгновенно начинает кружиться голова, и забыть это детское впечатление уже никогда невозможно. И жары мы неизбежно на обратном пути, и к завтраку все же опоздали. Но что значили все эти мелочи, в сравнении с новыми, совершенно неведомыми раньше впечатлениями?

Мы с мамой после обеда лежим на веранде второго этажа, с которой видны сухие, выжженные солнцем складки коктебельских холмов. Мама читает мне "Ползуны по скалам", я с увлечением слушаю. Вдруг снизу нас оглашают: "Сейчас на катере отправляемся в Атузы и Козы, хотите с нами?" Еще был не хочет! Книжка немедленно захлопнута - она ведь никуда не денется, а тут возможность плыть по морю, высаживаться на незнакомых берегах: мимо прибрежных скал Кара-Дага о морских прогулках в Атузы и Козы я был много наслышан.

И вот мы на катере, снабженном и парусом, и мотором. Первый раз оказываемся в море, окруженный со всех сторон зелеными гребешками волн, первый раз вижу, как все отделяется берег с белеющими, становящимися совсем игрушечными постройками, все уменьшающейся, сужающейся полоской темной зелени прибрежного парка. А вот холмы и горы не думают уменьшаться - напротив, словно оттесняя все случайное, "пришлое", они становятся еще величавее, так что каждому ясно: вместе с морем это подлинные властелины здешних мест.

Волны кое-где вскипают белой пеной, сильнее становится волнение, но странно: на меня, которого в детстве так скоро начинало укачивать в простом автобусе и, особенно, автомобиле, качка эта совсем не действует - видимо, все рефлексы оттеснили совершенно новые и необыкновенно сильные впечатления. К тому же не проходят мимо меня и слова мамы, которая с тревогой смотрит на белые "бараши-

ки" - впервые услышанное мною тогда слово - и опасается усиливавшихся морских причуд. Действительно, парус, непрерывно издававшие какие-то хлопающие звуки, сливавшиеся с певучим гудением ветра, на всякий случай убран, и особенно звучно слышен все время меняющий высоту рокот борющегося с волнами мотора. Причаливаем к "Лягушачьей бухте". Здесь в пространстве, отгороженном от моря, огромными, вырастающими из морских глубин камнями, вода совершенно спокойна^и поражает и почти неправдоподобной густотой зеленого цвета.

А потом... увы, потом я почти ничего не помню. Не помню, доплыли ли мы хотя бы до Атуз (они ближе, чем Козы). Могу только высказать предположение. Видимо, море так разыгралось, что рулевой счел за благо, покрутившись еще немного по морю, вернуться. Во всяком случае, для осторожности этой были основания: Кара-Даг, мимо которого надо было проплыть, за тысячелетия своего существования набросал в море столько надводных и подводных скал, что приближение к нему с моря требует большого опыта; отдалиться же в море по такой погоде тоже было бы небезопасно. Не рискнули мы даже проплыть близко от "Золотых ворот" (дно там особенно испещрено подводными скалами), хотя издали я хорошо разглядел это чудо природы, нарисовав его по возвращении в своем акварельном альбоме.

Итак, Атузы я по меньшей мере не запомнил. Зато сколько было связано^о у меня, уже взрослого человека, с этим изумительным уголком Восточного Крыма! Правда, в 1964 году, когда я там жил, и название^и этого мало, кто знал. Не удивительно: ведь перед 60-ми годами были еще и 40-ые, и 50-ые, и все мы знаем, что происходило тогда в Крыму. Сменилось население, сменились названия:

Атузы стали Приморьем, Коктебель же, - само звучание слова, казалось ~~же~~, рождено было жаркими лучами солнца и певучестью морских волн - и совсем безграмотно переименовано~~ли~~ в Планерское (не Планерное!). Только Дом творчества, кажется, по-прежнему называется по старинке, видимо, потому, что среди отдыхающих нет ни строптивых татар, никак не хотевших понять необходимость ~~своего~~ добровольного расставания с землей своих предков, во имя обеспечиваения безопасности главной родины своей - великого Советского Союза, ни засилья ~~щирых~~ украинцев, которым блаженной памяти Никита отвалил в подарок полуостров Крым. Да и вообще, почему не "бросить кость" людям, которые, согласно самой профессии своей, должны вещать об идеалах нового общества, в том числе и об интернационализме?

И на солнце есть пятна. Было такое пятно и на моем пребывании в Коктебеле. И было это пятно - самим солнцем. Ни я, ни мама, отправляясь на юг, еще не знали, как слабы мои глаза, и никакими защитными очками не обзавелись. Невозможно было их достать и на месте, как и обыкновенную летнюю шапочку с козырьком. И вот, чем дальше, тем больше, буквально до рези в глазах мучали меня слепящие солнечные лучи. Конечно, больше всего слепило солнце на пляже. Сохранилось документальное свидетельство моих мучений: фотография, где я стою, щитком руки прикрыв глаза, и все же лицо мое с щелками почти невидимых глаз искажено страдательской гримасой. Тщательно отворачивался я от своего врага, утыкаясь в мелкие камешки пляжа, но и их сплошная рябь словно была пропитана ^{солнечным} все тем же светом, а исходивший от них палящий жар сливался с беспощадным блеском неба и моря. И не было спасения от самого главного хозяина этого края, иссушившего склоны холмов, превращающего

всю местность на много дневных часов в раскаленную жаровню.

Уже почти пять часов, пора на ~~ночь~~ ежедневную нашу прогулку по окрестностям, согласно ~~что~~ накануне задуманному маршруту, а солнце, кажется, палит с еще большей яростью и ожесточением, чем в обеденное время. И я, так любящий путешествия в еще неизведанные места, с неохотой откликаюсь на мамин зов. Лишь к началу сентября (а срок нашего пребывания в Коктебеле был продлен до середины сентября) становится легче. Много мест, где перебывали мы с мамой в предвечерние часы: и на холме с памятником юноше, погибшему при запуске планера, — наверное, самой ветренной точке во всем Коктебеле, и в так называемых каньонах — сплетении естественно образовавшихся в земле углублений, и на многих холмах, и на дорогах, идущих среди тщательно возделанных виноградников.

Но настает время отъезда, и вот накануне мы отправляемся уже не на прогулку, а по важному делу: купить на базаре винограда, в надежде довезти его до Москвы. На базар нужно попасть как можно раньше с утра, и встаем мы почти на рассвете; правда, светает уже не так рано — осень... Скрип арб, фур, телег, галдеж продавцов, с необыкновенным темпераментом, жестикулируя, доказывающих что-то на русском, а чаще татарском языке. Груды арбузов, дынь, зелени, особенно же винограда разной формы, величины, цвета: почти черного, ~~густо~~ и от этого, казалось, особенно ~~посеребренного~~, то же посеребренного, но темно-розового или желтого, ^{густо} ~~разных~~ оттенков зеленого... Говорили тогда, что это еще только ранние сорта винограда, что самые вкусные, фирменные для Коктебеля, еще не спели; боже мой, сколько же было этих ранних сортов! Тут же громоздились и груды ящиков, и ворохи стружек для прокладки винограда. За упаковку что-то надо было приплачивать, но зато выбран-

ные продавцом кисти тут же при тебе с замечательной сноровкой укладывались им в досчатые ящики, обкладывались стружками и забивались.

Посещение базара было последним ярким впечатлением коктебельской жизни. А затем настала разлука. И кто бы знал, что так горько, рыдая, с таким безмерным отчаяньем буду я ее переживать?